К

„Пров 49“ 2

ПОЛИЦІЯ РАБОЧИХЪ

ВЪ АНГЛІИ ВЪ XIVмъ. ВѢКѢ

И

МИРОВЫЕ СУДЬИ,

КАКЪ

СУДЕБНЫЕ РАЗБИРАТЕЛИ СПОРОВЪ

МЕЖДУ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ И РАБОЧИМИ.

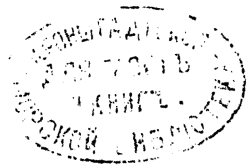
6 1/3 3

Максима Ковалевскаго

ЛОНДОНЪ.

1876 г.

ЛОНДОНЪ :—
Печатано въ Типографіи Гильберта и Ривингтона, 52, Ст. Джонсъ Скверъ, и 28, Вайтфраерсъ Стритъ.



ПОЛИЦІЯ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІИ ВЪ XIVмъ. ВѢКѢ И МИРОВЫЕ СУДЬИ, КАКЪ СУДЕБНЫЕ РАЗБИРАТЕЛИ СПОРОВЪ МЕЖДУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ И РАБОЧИМИ.

ПОЛИЦІЯ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІИ ВЪ XIVмъ ВѢКѢ И МИРОВЫЕ СУДЬИ КАКЪ СУДЕБНЫЕ РАЗБИРАТЕЛИ СПОРОВЪ МЕЖДУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ И РАБОЧИМИ.

Въ англо-саксонскій періодъ англійской жизни трудъ является несвободнымъ. Какъ домашнія, такъ и полевыя работы производятся главнымъ образомъ рабами или крѣпостными (theows, theowmen и kheorls). Въ VIмъ вѣкѣ не только внутренняя, но и внѣшняя торговля рабами является весьма распространенной.[1] Духовенство, правда, неоднократно возстаетъ противъ этого торга, но, въ тоже время, само прибѣгаетъ къ труду рабовъ для обработки своихъ, съ каждымъ вѣкомъ, возрастающихъ владѣній.[2]

Тѣмъ не менѣе, мы должны признать за католическимъ духовенствомъ честь перваго пропагандиста идеи эманципаціи. Въ VIIмъ вѣкѣ епископъ Aedan не жалѣетъ собственныхъ средствъ для выкупа лицъ, несправедливо проданныхъ въ рабство; въ VIIIмъ вѣкѣ архіепископъ Эгбертъ агитируетъ въ пользу затраты части суммъ, составленныхъ подаяніями вѣрующихъ, на выкупъ людей изъ рабства. Невозлагая еще на владѣльцовъ обязанности отпускать рабовъ на волю, духовенство непрестанно указываетъ имъ на эманципацію, какъ на одно изъ средствъ къ спасенію.[3] Въ VIIIмъ вѣкѣ мы, поэтому, неоднократно встрѣчаемъ случаи освобожденія господами ихъ рабовъ, "изъ любви къ Богу и заботы о своей душѣ."[4]

---

[1] Объ этомъ можно судить изъ записаннаго лѣтописцами преданія объ обстоятельствахъ, поведшихъ къ обращенію Англіи въ христіанство. "Lives of English Popular Leaders in the Middle Ages, Tyler, Ball and Oldcastle," by Edmund Maurice, стр. 5ая.

[2] Edmund Maurice приводитъ много фактовъ въ подтвержденіе тому, что, какъ лица духовнаго званія, такъ и монастыри употребляли рабовъ для домашнихъ и полевыхъ работъ въ предѣлахъ своихъ помѣстій, стр. 36 и 37.

[3] Ibid. стр. 16.

[4] Diplomatarium ævi Saxonici (Thorpe) стр. 621, 624.

Свѣтское и церковное законодательство королей VIIIго вѣка воспринимаетъ въ себя гуманныя начала, впервые внесенныя христіанствомъ и отцами церкви въ вопросъ о рабствѣ.

Уже въ началѣ VIIIго вѣка изданные подъ вліяніемъ духовенства законы устанавливаютъ ограниченія для торга людьми и объявляютъ свободными, какъ дѣтей, произшедшихъ отъ брака свободнаго съ рабой, такъ и лицъ рабскаго происхожденія, отпущенныхъ на волю ихъ владѣльцами предъ алтаремъ.[1] При Альфредѣ суровое обращеніе господина съ рабомъ является поводомъ къ объявленію послѣдняго свободнымъ.[2]

Датское нашествіе, съ одной стороны, на время замедляетъ процесъ эманципаціи, увеличивая число рабовъ новымъ контингентомъ военноплѣнныхъ, съ другой, содѣйствуетъ уменьшенію размѣровъ рабства, доставляя возможность бѣглымъ рабамъ находить свободу въ лагерѣ завоевателей.[3]

Въ царствованіе Эдгара церковные законы, изданые подъ вліяніемъ архіепископа Дунстана, впервые объявляютъ обязанностью каждаго христіанина отпускать на волю своихъ рабовъ и выкупать чужихъ.[4] Въ то же время за рабами признано право выкупать себя самимъ изъ рабства.[5]

Несмотря на эти законодательныя предписанія, рабство продолжаетъ существовать въ прежней силѣ, даже увеличенное въ своемъ размѣрѣ, какъ обращеніемъ датчанами военноплѣнныхъ въ рабовъ, такъ и добровольнымъ поступленіемъ въ рабство[6] керльсъ, особенно часто встрѣчающимся въ голодные годы.

Торговля рабами, не только внутренняя, но и внѣшняя, продол-

---

[1] Ibid. стр. 8 и 9ая.

[2] Leges Alfredi, sect. 20, см. Reeves, History of the English Law, изданіе Finlaison, томъ I., стр. 14ая.

[3] См. Edmund Maurice, Tyler, Ball, Oldcastle; стр. 13, 23.

[4] Ibid. стр. 17.

[5] Kemble, Cod Dipl. mccccli., одинъ рабъ покупаетъ свою свободу у аббата монастыря Bath, (приведено у Stubbs' Constitutional History, томъ I., стр. 79.)

[6] Diplomatarium Aevi Saxonici, стр. 621.

жаетъ существовать, вопреки новому запрещенію ея законами Канута.[1]

Рядомъ съ рабами мы встрѣчаемъ въ англо-саксонскихъ помѣстьяхъ и крѣпостныхъ (ceorls). Отличительный характеръ керля составляетъ существованіе тѣсной связи, не между нимъ и помѣщикомъ, а между нимъ и землей, которую онъ временно воздѣлываетъ своимъ трудомъ. Отсюда, съ одной стороны, полная свобода керлямъ переходить отъ одного владѣльца къ другому, а, съ другой, запрещеніе помѣщикамъ продавать крестьянъ отдѣльно отъ земли, на которой они поселены.[2]

Въ Rectitudines singularum personarum, англо-саксонскій текстъ которыхъ дошелъ до насъ въ одномъ манускриптѣ, состоящемъ въ настоящее время во владѣніи Corpus Christi College въ Кембриджѣ, а также въ нѣкоторыхъ хартіяхъ англо-саксонскихъ королей, напечатанныхъ Кемблемъ въ его Codex Diplomaticus ævi Saxonici, Гомерсгамъ Коксъ нашелъ многочисленныя данныя въ подтвержденіе высказаннаго имъ мнѣнія, что личная служба керльсъ опредѣляема была мѣстными обычаями помѣстья и что вознагражденіемъ за нее было выдѣленіе въ ихъ частное пользованіе участковъ земли помѣщикомъ.[3]

---

[1] Въ Codex Dipl. Aevi. Sax. N. dccccxxv. мы находимъ упоминаніе о лицахъ, поступившихъ въ рабство изъ за пропитанія въ черный день.

[2] Maurice, стр. 22.

[3] Вотъ нѣкоторые изъ фактовъ приводимыхъ Homersham'омъ Cox'омъ въ подкрѣпленіе этого мнѣнія. Въ Rectitudines singularum personarum мы находимъ между прочимъ слѣдующее мѣсто: "права виллана различны, смотря по мѣстнымъ обычаямъ, въ однихъ мѣстностяхъ онъ долженъ платить поземельную ренту и, сверхъ того, нести ежегодно полевую работу, ѣздить верхомъ и возить, работать и кормить своего господина, жать и косить и т. д." Примѣромъ такихъ полевыхъ работъ могутъ быть приведены работы, отправляемыя вилланами въ помѣстьяхъ Hurstbourne въ царствованіе Альфреда или Эдварда старшаго: ceorls обязаны вспахать ежегодно три десятины, засѣять ихъ собственными сѣмянами, убрать ихъ, уплатить поземельному владѣльцу три фунта ячменю, скосить и убрать въ стоги десятину сѣнокоса, и т. д. (Cod D. N. 1077). Профессоръ Stubbs, поэтому, какъ намъ кажется, совершенно вѣрно опредѣляетъ положеніе вилановъ, когда говоритъ: "the villeins were in fact labourers whose wages were paid in land . . . etc. (Stubbs, Select Charters, стр. 137)."

Получая извѣстные надѣлы въ предѣлахъ заселяемаго ими помѣстья, керльсъ имѣли возможность употреблять доходы съ нихъ на покупку поземельныхъ участковъ въ полную собственность. Владѣніе послѣдними открывало имъ путь къ переходу въ свободное состояніе.[1]

Къ концу англо-саксонскаго королевства изъ класса керльсъ, получающихъ въ законодательныхъ актахъ норманскаго періода латинское наименованіе виллановъ (villani), выдѣляются поэтому такъ называемые cotarii и bordarii, о которыхъ упоминаетъ книга Страшнаго Суда (Doomsday-book). "Котаріями или бордаріями назывались, говоритъ Нассе,[2] владѣльцы значительныхъ поземельныхъ участковъ, состоявшихъ каждый изъ дома съ окружающимъ его дворомъ и прилегающимъ небольшимъ участкомъ поля. Этотъ классъ людей былъ также призванъ къ отправленію полевыхъ работъ; размѣръ послѣднихъ былъ, однако, гораздо меньше размѣра работъ, отправляемыхъ виллanами, что обусловливалось сравнительной незначительностью владѣемыхъ ими участковъ: они вовсе не несутъ подводной повинности, ихъ барщина ограничена однодневной работой въ недѣлю, за исключеніемъ лишь времени урожая и сѣнокоса, и обнимаетъ собою одни лишь домашнія, но отнюдь не полевыя работы."

Замѣчательно, что уже къ концу англо-саксонскаго періода начало вознагражденія за трудъ, первый видъ которого составляетъ надѣленіе помѣщикомъ керлей извѣстными участками земли въ пожизненное и наслѣдственное пользованіе, вводится мало помалу и по отношенію къ рабамъ (такъ называемымъ esnes или рабамъ на жалованьи),[3] ясное доказательство тому, что дароваго труда въ это время было уже недостаточно для производства всѣхъ необходимыхъ работъ, домашнихъ и полевыхъ. Прямымъ результатомъ Норманскаго нашествія было пониженіе положенія крѣпостныхъ къ положенію рабовъ. Послѣдній памятникъ въ которомъ рабы обозначаются еще особымъ терминомъ servi, есть книга Страшнаго Суда. Какъ законодательные акты XIIго и XIIIго вѣка, такъ и частныя законодательныя компиляціи этого време-

[1] Thorpe, Ancient Laws and Institutes, vol. I., стр. 191, мѣсто цитировано у Maurice, Tyler, Ball, Oldcastle, стр. 22, примѣчаніе.

[2] Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England, von Erwin Nasse, Bonn, 1869го года, стр. 30, 31.

[3] Stubbs, Constitutional History, стр. 78, примѣчаніе третье.

[4] Rectitudines singularum personarum заключаютъ въ себѣ слѣ-

ни говорятъ только о villenagium. Это не значитъ, чтобы рабство перестало существовать со времени норманскаго нашествія. Мы имѣемъ, напротивъ того, несомнѣнныя свидѣтельства продолженія не только рабства, но и внутренняго и внѣшняго торга рабами.[1]

Это доказываетъ лишь то, что въ глазахъ законодательства XIго и XIIго вѣка керльсъ ничѣмъ не отличаются отъ рабовъ почему и обозначаются однимъ съ ними терминомъ villani.[2]

Первое время, слѣдовавшее за завоеваніемъ, было особенно неблагопріятно для эманципаціи рабочаго населенія королевства. Прежняя форма отпущенія на волю предъ алтаремъ болѣе не встрѣчается на практикѣ,[3] явное доказательство тому, что отношеніе духовенства къ эманципаціи измѣнилось. Фактъ этотъ объясняется самъ собою, если принять во вниманіе, что высшіе члены духовнаго сословія являются со временъ норманскаго завоеванія, въ качествѣ tenentes in capite, одновременно и крупными поземельными владѣльцами.[4] Особенно заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, согласно свидѣтельству Гланвиллы, виланы въ царствованіе Генриха IIго не пользуются уже прежней свободой, собственными средствами выкупать себя изъ рабства. "Illud tamen notandum est quod non potest aliquis

---

дующія постановленія касательно котаріевъ: "права котаріевъ различно опредѣляются мѣстными обычаями, въ однихъ помѣстьяхъ котарій обязанъ работать на господина каждый понедѣльникъ, и притомъ круглый годъ, въ другихъ только три дня въ недѣлю, но за то только во время уборки хлѣба. Онъ не платитъ помѣщику поземельной ренты; владѣетъ пятью десятинами, а, если того требуетъ мѣстный обычай, то и большимъ пространствомъ земли и т. д.

[1] Въ Vita Wulstani, помѣщенной въ третьемъ томѣ Wharton's Anglia sacra, говорится объ успѣшныхъ попыткахъ епископа Wulstan'a прекратить торгъ рабами, производившійся съ Ирландіей изъ Бристоля. Въ разсказѣ лѣтописца о первомъ военномъ занятіи Англичанами Ирландіи около 1174го года сохранилось свидѣтельство о существованіи этого торга вплоть до конца 12го вѣка (см. Edmund Maurice, стр. 30, 31).

[2] Hundred Rolls, перечисляя вилановъ того или другаго помѣстья, нерѣдко присоединяютъ къ этому перечисленію слѣдующую фразу: villani sunt servi vel nativi (см. Nasse, Mittelalt. Feldgemeinschaft, стр. 28, примѣчаніе второе).

[3] См. Edmund Maurice, Tyler, Ball, Oldcastle, стр. 28ая.

[4] Это не исключаетъ однако отдѣльныхъ случаевъ пропаганды тѣмъ или другимъ членомъ духовенства идеи эманципаціи, такъ на примѣръ, при Стефанѣ (Maurice стр. 35.)

in villenagio positus libertatem suam propriis denariis suis quærere."[1]

Изъ приводимыхъ Гланвиллою причинъ запрещенія вилланамъ права выкупа можно заключить, что по соціальному положенію своему виланы приближались къ рабамъ: "quia omnia catalla cujuslibet nativi ita intelliguntur esse in potestate domini sui, quod propriis denariis suis versus dominum suum a villenagio se redimere non poterit."

Отпущеніе виллановъ на волю вполнѣ предоставлено свободѣ господина и у виллановъ отнято прежнее право,[2] переходить съ одного помѣстья на другое.

Только два пути остаются открыты вилланамъ для выхода изъ ихъ положенія—бѣгство въ городъ и пребываніе тамъ въ теченіи года и дня[3] и поступленіе въ духовное званіе.[4]

При воззрѣніи законодательства на имущество виллана, какъ по праву принадлежащее его господину, не удивительно, что первой заботой виллана, скопившаго себѣ нѣкоторый капиталъ, было укрыться вмѣстѣ съ нимъ въ предѣлахъ того или другаго города, пребываніе въ которомъ въ теченіи года и дня дѣлало его не только свободнымъ, но и состоятельнымъ.[5]

---

[1] Glanvilla, de legibus Anglæ, lib. I. cap. 5.

[2] Glanvilla, liber V., cap. 5, Pluribus autem modis potest ad libertatem aliquis in villinagio positus deduci, veluti si dominus ejus volens eum ad libertatem perduci et a se et hæredibus suis quietum clamaverit; vel si eum ad liberandum alicui donaverit vel vendiderit.

[3] Thorold Rogers, A History of Agriculture and Prices in England from the year after the Oxford Parliament, by James Thorold Rogers, vol. I., (1259—1400), т. I., стр. 77: "A fine was paid for licence to quit the manor."

Glanvilla, liber V., cap. 5, Item si quis nativus quiete per unum annum et unum diem in aliqua villa privilegiata manserit, ita quod in eorum communam, scilicet gildam tanquam cives receptus fuerit, eo ipso a villenagio liberabitur.

[4] The chief ambition, as it seems, which the villein entertained, was that of sending his son to school or rather to the university in order to advance them in the church (Thorold Rogers, т. I., стр. 78).

[5] См. Eden, the State of the Poor, 1797го года, томъ I., стр. 29. Тѣже причины заставляли виллановъ бѣжать въ города и на континентъ Европы.

Тогда какъ на континентѣ право городовъ принимать новыхъ гражданъ и даже поселенцевъ было ограничено условіемъ, чтобы принимаемые ими лица не принадлежали къ числу бѣглыхъ слугъ,[1] въ Англіи отсутствіе какихъ бы то ни было законодательныхъ постановленій по этому предмету является, какъ намъ кажется, достаточнымъ основаніемъ въ пользу признанія неограниченной свободы городовъ принимать въ свои предѣлы каждаго пришельца, каково бы ни было его происхожденіе.

Господину бѣглаго виллана принадлежало однако право, начать противъ него искъ въ судѣ и потребовать его возвращенія (до истеченія срока одного года и дня). Year-books XIIIго и XIVго вѣка наполнены процессами противъ виллановъ, своевольно оставившихъ своихъ господъ и панявшихся на правахъ свободныхъ работниковъ.[2]

Если, съ одной стороны, англійское законодательство не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ постоянныхъ побѣговъ виллановъ съ помѣщичьихъ земель въ города, то, съ другой, оно уже во второй половинѣ XIIго вѣка запрещаетъ виланамъ поступленіе въ духовное званіе безъ предварительнаго испрошенія на то согласія помѣщика: "filii rusticorum, говоритъ глава 16. Кларендонскихъ постановленій, non debent ordinari absque assensu domini de cujus terra nati dignoscuntur."[3]

Постепенное уменьшеніе числа виллановъ, благодаря бѣгству ихъ въ города и поступленію въ духовное званіе заставляетъ помѣщиковъ, въ интересахъ удержанія поселенныхъ на ихъ земляхъ крѣпостныхъ, дѣлать имъ все болѣе и болѣе выгодныя условія.

Хотя я и не могу согласиться съ мнѣніемъ Торольда Роджерса, что неограниченное право помѣщиковъ продавать виллановъ вмѣстѣ съ землей и опредѣлять размѣры требуемыхъ съ нихъ натуральныхъ повинностей перестаетъ существо-

---

[1] См. факты, собранные мною касательно правъ городскихъ общинъ кантона Ваадтъ принимать новыхъ гражданъ и поселенцовъ (Очеркъ исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ, Лондонъ, 1876го года).

[2] Eden, the State of the Poor, 1797, стр. 29.

[3] Select Charters (Stubbs) стр. 140.

вать уже къ концу XIIIго вѣка,[1] (мнѣніемъ которому противорѣчитъ, какъ свидѣтельство Bracton'a о существованіи еще такъ называемаго villenagium purum, такъ и собранные Эденомъ факты касательно перехода изъ рукъ въ руки въ силу продажи не только земель, но и населяющихъ ихъ виллановъ еще въ первой половинѣ XIVго вѣка), тѣмъ не менѣе я считаюсебя въ правѣ признать, какъ на основаніи фактовъ приводимыхъ Homersham'омъ Cox'омъ изъ cartulaires нѣкоторыхъ помѣстій XIIIго вѣка, такъ и на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ протоколами патримоніальныхъ судовъ въ періодъ Эдуардовъ, что положеніе большинства виллановъ въ это время приближалось къ положенію русскихъ крестьянъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ періодъ времени, непосредственно предшествовавшій эманципаціи. Другими словами, въ большинствѣ помѣстій англійской аристократіи и джентри, какъ размѣры предоставляемаго виллананамъ права пользованія, такъ и размѣры требуемыхъ съ нихъ натуральныхъ повинностей,

---

[1] Anything like the extreme theory of villenage was, I am convinced, extinct before the close of the 13th century. . . . In many thousand bailiffs' accounts I have never found a trace of any transfer of villeins, or even their services to third parties." (Thorold Rogers, т. I., стр. 70, 71.

Chalmers infers, говоритъ Eden, that slaves had happily departed from the land before the reign of Henry III.; because the Great Charter of 1225, in mentioning how men of all sorts should be amerced, only takes notice of ceorls, barons, churchmen, merchants, freemen and villeins. In both Magna Charta and the Charters of Henry III., obtained in 1225, a class of men are mentioned who appear to have been considered in the light of moveable property. The prohibition to guardians from wasting the men or cattle on the estates of minors, is a clear proof that villeins, who held by servile tenures, were looked upon in the light of negroes on a rice, a tobacco, or a sugar plantation (Bracton, 1 i. c. 9 quandocunque placuerit, auferre poterit a villano suo waynagium suum et omnia bona sua). Long after the year 1225 they were considered as a saleable commodity, of which I shall only mention a few instances, from many that may be found among our ancient historians. In 1283 a slave and his family were sold by the Abbot of Dunstable for 13s. 4d.; in 1333 a lord granted to a chantry several messuages together with the bodies of eight natives, (villeins regardant), dwelling there, with all their chattels and offspring, and in 1339 we meet with an instance of a gift of a nief (or female slave) with all her family and all that she possessed, or might subsequently acquire: as

были опредѣлены разъ на всегда и неизмѣнно мѣстными обычаями помѣстій.[1]

Протоколы патримоніальныхъ судовъ представляютъ неоднократно случаи штрафованія вилановъ и котаріевъ, уклонившихся отъ исполненія возложенныхъ на нихъ мѣстными обычаями натуральныхъ повинностей. Нерѣдко наказаніемъ за неисполненіе тѣхъ или другихъ работъ, опредѣленныхъ обычаями помѣстья, или особыми соглашеніями, является отнятіе поземельнаго надѣла. Встрѣчаются также случаи добровольнаго отказа отъ послѣдняго тѣмъ или другимъ лицомъ, признающимъ себя неспособнымъ выполнить принятыя имъ служебныя обязательства.[2]

---

the conveyance does not mention land, she was probaby a villein in gross. (Eden, The State of the Poor, стр. 351.) Bracton различаетъ два вида villenagium, purum и socagium. Крестьяне, находящіеся въ первомъ положеніи, владѣютъ своими надѣлами не по праву, а лишь по милости помѣщика, который во всякое время можетъ лишить ихъ предоставленнаго имъ пользованія. Съ другой стороны, требуемыя отъ нихъ натуральныя повинности и службы опредѣляются не мѣстными обычаями, а исключительно волей господина (nec scire debeat sero, quid facere debeat in crastino). Villani socmani, напротивъ того, имѣютъ признанное закономъ право пользованія предоставленными имъ надѣлами и не могутъ быть лишены ихъ произвольно господиномъ; ихъ служебныя обязянности опредѣлены разъ на всегда мѣстными обычаями (см. Нассе, стр. 28).

[1] Изъ сказаннаго видно, что положеніе вилановъ къ концу XIIIго вѣка приблизилось въ тому положенію, въ которомъ находилось, согласно Rectitudines singularum personarum, большинство англосаксонскихъ ceorls въ эпоху, непосредственно предшествующую завоеванію (см. выше).

[2] Court Rolls, Augmentation Office, Portfolio 2. Hocton cum Wytton in crastino Sancti Martini anno regni Regis Edwardi XVI.

... De Roberto filio Aliciæ, quia non trituravit VI. garbas, quas debuit triturasse III. d. ...

Ibid. Visus apud Aylyngton die Sabbati in festo Sancti Andrei Apostoli anno Regni Regis Edwardi secundo et domini Abbatis XXIII. ... De Nicola Treys, quia non venit ad primam præcariam autumpni de anno præterito: condonatur etc.; de Thoma Blundel, quia non venit ad præcariam Domini in autumpno de anno præterito.

Miscellania, Minister's Accounts (Bundle 844, N 25). Curia Do-

Еще болѣе подробныя свѣдѣнія о характерѣ служебныхъ обязанностей вилланов въ каждомъ помѣстьи даютъ намъ такъ называемые Cartularies.[1] Мы узнаемъ изъ нихъ, что число дней барщины было одно зимою и другое лѣтомъ,[2] что, за освобожденіе того или другаго изъ вилланов отъ части возложенныхъ на него служебныхъ обязанностей, помѣщикъ или его управляющій имѣли обыкновеніе взимать извѣстные платежи[3] и наконецъ, и это всего важнѣе, что рядомъ съ

---

mini Regis tenta apud Clopton die Mercurii proxima ante festum sancti Thomæ Apostoli, anno Regni Regis Edwardi XXVto.

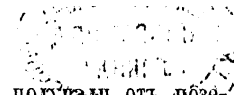
Alanus Stammok venit et redat rursum in manus Domini unum cotagium cum una roda terræ debilis, ad opus Wilelmi Stammok. Ita quod faciet servicia et consuetudines pertinentia ad dictam terram.

[1] Отчеты управителей о доходахъ съ имѣнія.

[2] См. Homersham Cox, Antient Parliamentary elections, Appendix Въ manor Britwolton всѣ tenentes "tam liberi quam servi" должны принимать участіе въ 3хъ precariæ въ лѣтнее время "ad metendum."

"Ueberall говоритъ Hasse, finden wir in den grundbüchern genaue Verzeichnisse ihrer Dienste und selbst da, wo in Bezug auf Zinszahlung sich der satz findet "taliantur ad voluntatem domini" sind doch die landwirthschaftlichen Frohnden in Bezug auf Maas und Art genau angegeben. Aber freilich muss auch so die Lage dieser Klasse eine ausserordentlich gedrückte gewesen sein. Fast durchgängig arbeitet ein Mann von jeder virgata vom 1 August bis Michaelis 3 bis 4 Tage, das ganze übrige Jahr 2 oder 3 Tage die Woche. Ausserdem pflügen die Bauern bald wöchentlich einen Tag mit ausnahme der Frost und Erndtezeit, bald eine bestimmte Fläche von 1 Acre und mehr zur Winter und Sommersaat, sowie in der Regel auch zur Brache; sie eggen und besäen das gepflügte Land, mitunter de proprio semine. Sie leisten ferner in der Heu und Getreideerndte ausserordentliche Dienste, namentlich müssen sie zwei oder dreimal im Jahr mit ihrem ganzen Hausgesinde, die Hausfrau gewöhnlich allein ausgenommen (excepta husewifa) ad magnas precarias sich auf dem Hofe einfinden. Dazu kommen hin und wieder Fuhren von Holz aus dem Walde, Getreide nach dem Markte, Mühlsteine aus der Stadt, Botendienste u. s. w. wie wir sie ja auch in der grösszten Mannigfaltigkeit bei den deutschen hörigen Bauern finden (Nasse, стр. 30.)

[3] Такъ на примѣръ въ manor Britwalton въ 12ый годъ царствованія Эдуарда Іго. двое котаріевъ платятъ ежегодно каждый двое шиллинговъ за свободу отъ производства сельскихъ работъ на земляхъ помѣщика (Homersham Cox, Appendix, стр. 199.)



вилланами и cotarii, liBere tenentes нерѣдко получали отъ безземельныхъ владѣльцовъ тѣ или другіе надѣлы, обыкновенно подъ условіемъ производства тѣхъ или другихъ работъ и, только по исключенію, подъ условіемъ уплаты опредѣленной денежной ренты.[1] Этотъ послѣдній фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ изъ него становится очевиднымъ, что въ концѣ XIIIго и началѣ XIVго вѣка число крѣпостныхъ было недостаточно для производства всѣхъ необходимыхъ для сельскаго хозяйства работъ, и что помѣщики были поставлены въ необходимость обращаться къ вольнонаемному труду. Способъ вознагражденія послѣдняго на первыхъ порахъ былъ тотъ же, что и крѣпостнаго, т. е. временное пользованіе извѣстными поземельными надѣлами вмѣстѣ съ необходимой для обработки ихъ движимостью (какъ то орудіями, рабочимъ скотомъ и проч.)

Торольдъ Роджерсъ настаиваетъ на томъ фактѣ, что въ періодъ Эдуардовъ помѣщики охотно соглашались замѣнять натуральныя повинности вилановъ денежными рентами.[2]

Въ свою очередь, вилланы находили свои выгоды въ системѣ денежныхъ платежей, избавлявшей ихъ de facto отъ всякихъ слѣдовъ крѣпостной зависимости.

Результатомъ постепенной замѣны натуральныхъ повинностей денежными былъ переходъ, какъ прежнихъ крѣпостныхъ людей (villani, cotarii), такъ и безземельныхъ или мало земельныхъ liBere tenentes, въ вольно наемныхъ работниковъ. Этотъ процесъ начался ранѣе правленія Эдуарда IIIго., на сколько можно судить изъ счетовъ управителей помѣстій въ царствованіе первыхъ двухъ Эдуардовъ, счетовъ, въ которыхъ мы постоянно встрѣчаемъ издержки на наемъ тѣхъ или другихъ сельскихъ работниковъ,[3]

---

[1] Ibid. стр. 195 и слѣдующія, "Das tenementum in villenagio, говоритъ Нассе, kann nach Bracton auch in die Hände eines Freien kommen, der dann alle Dienste und Abgaben, wie ein villanus zu leisten hat, sed nomine villenagii et non nomine personæ. Er ist aber befreit von den jenigen Leistungen, die nur Folge persönlicher Unfreiheit sind (Nasse, s. 28, Anmerkung I.)

[2] "The lord readily received, говоритъ онъ, a pecuniary payment in lieu of these labour rents . . . и нѣсколько далѣе, ultimately the pecuniary payment is universally adopted instead of these labour rents." (Thorold Rogers, History of Agriculture and Prices, т. I. стр. 77.)

[3] См. Miscellnia. Minister's accounts (Bundle 844, N. 25) въ Record Office. См. также Thorold Rogers, стр. 16 и слѣдующія.

Неурожаи, постигшія Англію въ 1311, 1320, 1321 и 1322мъ годахъ, не мало способствовали эманципаціи вилановъ. При дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, поземельные владѣльцы охотно выдавали своимъ крѣпостнымъ освободительныя грамоты, избавлявшія ихъ отъ издержекъ на пропитаніе вилановъ.[1] Тѣмъ не менѣе Фриманъ съ полнымъ основаніемъ относитъ окончательную организацію класса вольно-наемныхъ сельскихъ рабочихъ не ранѣе, какъ ко второй половинѣ XIVго вѣка.[2]

Этотъ классъ составился изъ безземельныхъ liberi homines, а также отпущенныхъ на волю вилановъ и котаріевъ. Лица, несшія служебныя повинности по отношенію къ помѣщикамъ, повинности, разъ навсегда опредѣленныя мѣстными обычаями помѣстій, другими словами, такъ называемые зостаніе очевидно имѣли возможность наниматься въ свободные дни, какъ у своего помѣщика, такъ и сосѣднихъ владѣльцовъ, но пока продолжались ихъ служебныя отношенія къ владѣльцу manor, они въ тѣсномъ смыслѣ слова не входили въ составъ рабочаго класса,[3] члены которого вербовались

---

[1] См. Longman, Lectures on English History.

[2] Freeman дѣлаетъ справедливый упрекъ Longman'у за то, что послѣдній въ своей монографіи "Life and Time of Edward the Third" не достаточно освѣтилъ фактъ возникновенія въ это время класса вольно-наемныхъ сельскихъ работниковъ: "I am not sure, говоритъ онъ, that Mr. Longman has anywhere dwelt on the fact that at this time the emancipation of the villeins was largely going on. The class of free labourers being enlarged and strengthened, the payment of wages for work done was constantly becoming more habitual, as the class of people who could be set to work without wages was constantly diminishing" (см. Fortnightly Review, 1869, May, N. 29, стр. 594.)

[3] Villenagium въ его позднѣйшей формѣ, villenagium soccagium, перестаетъ существовать не раньше, какъ по окончаніи крестьянскаго возстанія подъ предводительствомъ Уата Тейлора, вызваннаго, какъ думаетъ съ полнымъ основаніемъ Торольдъ Роджерсъ, попыткой поземельныхъ владѣльцовъ оживить систему крѣпостнаго права и барщины. Эти попытки начались уже къ концу царствованія Эдуарда IIIго и вызваны были, по всей вѣроятности, возрастаніемъ заработной платы за вольно-наемный трудъ. Этимъ попыткамъ воспротивились въ неодинаковой впрочемъ мѣрѣ: 1) интерпретація королевскими судами мѣстныхъ грамотъ и соглашеній, благопріятная въ большинствѣ случаевъ эманципаціи вилановъ, главнымъ же образомъ 2) союзы въ средѣ самихъ вилановъ съ цѣлью воспротивиться силою оживле-

изъ свободныхъ наймитовъ. Вознагражденіе послѣднихъ и особенно тѣхъ изъ нихъ, которые были заняты сельско-хозяйственными работами, еще долгое время производимо было натуральными продуктами помѣстья и лишь по исключенію денежнымъ жалованьемъ, обыкновенно платимымъ имъ не по различные денно, а въ два срока въ году, весной при производствѣ посевовъ посевью, послѣ уборки хлѣба и сѣна. Размѣръ вознагражденія за трудъ нерѣдко мѣнялся, смотря по времени года, жалованье было меньше зимою и больше лѣтомъ. Таковы тѣ немногія свѣдѣнія, какія мы можемъ сообщить о положеніи сельскихъ рабочихъ въ первой половинѣ 14го вѣка, болѣе на основаніи данныхъ позднѣйшаго времени, нежели изъ современныхъ свидѣтельствъ.[1]

При господствующей въ законодательствѣ Эдуарда IIIго тенденціи, регламентировать всѣ отношенія экономической жизни народа,[2] неудивительно, что оно позаботилось и объ опредѣленіи отношеній вновь возникшаго класса къ прежнимъ сословіямъ. Мѣсто свободной конкуренціи въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, должна была занять сумма болѣе или менѣе стѣснительныхъ полицейскихъ предписаній и запрещеній. Кому по разсчетамъ правительства должна была служить въ пользу эта регламентація—объ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія, если принять во вниманіе безсиліе въ его глазахъ только что сложившагося сословія и характеръ покровительства интересамъ владѣтельныхъ классовъ, насквозь проникающій, полицейское законодательство Эдуарда IIIго.[3]

нію крѣпостнаго права, союзы, бывшія первою ступенью къ образованію общаго союза всего рабочаго населенія королевства подъ предводительствомъ Уата Тейлора (Сравни Thorold Rogers, History of Agriculture and Prices, стр. 81 и слѣд., См. также Parl. Rolls т. III., стр. 21, N. 47 петиціи поданныя Ричарду Iму. въ 1ый. годъ его царствованія.

[1] Сравни Thorold Rogers, т. I., стр. 253 и слѣд.

[2] См. критическую статью Фримана на Исторію Эдуарда III., написанную Лонгманомъ (Fortnightly Review, 1869, за Май мѣсяцъ, N. 29, стр. 594.)

[3] См. главу XIX., монографіи Лонгмана, History of the life and time of Edward the Third by William Longman, vol. I. См. также критическую статью Фримана, на книгу Лонгмана. Съ свойственной ему тонкой проницательностью, Фриманъ, говоря о характерѣ законодательства Эдуарда IIIго., дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

"On the whole legislation of this reign there is one dark blot

Поводомъ къ правительственному вмѣшательству въ отношенія предпринимателей къ рабочимъ, было увеличеніе послѣдними ихъ денежныхъ требованій, воспослѣдовавшее вслѣдъ за посѣщеніемъ Англіи моровой язвой,[1] уменьшившей болѣе, нежели на половину, число жителей королевства и имѣвшей поэтому своимъ послѣдствіемъ измѣненіе къ выгодѣ рабочихъ отношенія спроса на трудъ къ предложенію.

Моровая язва, обошедши предварительно большую часть государствъ на континентѣ, занесена была въ Англію изъ Бристоля и въ Августѣ мѣсяцѣ 1348го года, начала свирѣпствовать въ графствахъ Дорсетширъ, Сомерсетширъ и Девонширъ. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ она показалась уже въ Лондонѣ, откуда вскорѣ распространилась на все королевство.

Смертность, произведенная въ Англіи моровой язвой, различно опредѣляется историками. Хроники XIVго. вѣка говорятъ объ истребленіи ею девяти десятыхъ населенія,[2] новѣйшіе писатели, и въ числѣ ихъ Seebohm, Торольдъ Роджерсъ, и Longman,[3] считаютъ число умершихъ не превышающимъ половины населенія. При отсутствіи въ это время какихъ бы то ни было переписей, не можетъ быть и рѣчи о точномъ опредѣленіи числа умершихъ, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ фактамъ, сохраненнымъ намъ мѣстными лѣтописцами,[4] мы

---

which extends even to the proceedings of the good Parliament itself. I mean the constant attempt to control matters, which are beyond the proper province of legislation, and, *worse still, the constant attempt to control them in a way contrary to the interests of the most numerous and the most helpless class of the people.*" (Fortnightly Review, 1869 года N. 29.)

[1] См. The history of that most victorious monarch Edward the Third, by Joshua Barnes, Bachelor of Divinity, and one of the Senior Fellows of Emmanuel College in Cambridge, 1688 года. Cambridge in 8°. стр. 435.

[2] Мнѣніе принятое Kitchin и Barnes.

[3] Thorold Rogers, "England before and after the black death," Fortnightly Review, 1869, II. vol., Seebohm, ibid., III. vol., Longman, History of Edward the Third, стр. 303.

[4] Вотъ нѣкоторые изъ фактовъ, сообщаемыхъ намъ хронистами и приводимыхъ Barnes въ его Исторіи Эдуарда IIIго. На кладбищѣ города Ярмута погребены въ одинъ годъ не менѣе семи тысячъ

имѣемъ право думать, что моровая язва истребила въ Англіи гораздо больше, нежели половину населенія.

При отсутствіи хорошихъ гигіеническихъ условій въ средѣ крестьянства, городскихъ рабочихъ и приходскаго духовенства, не удивительно, что моровая язва избирала главнымъ образомъ свои жертвы въ средѣ этихъ трехъ классовъ.[1]

Экономическія послѣдствія моровой язвы состояли въ перемѣнѣ прежнихъ отношеній между спросомъ на трудъ и предложеніемъ къ выгодѣ перваго. Жалованье не только сельскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, но и приходскихъ священниковъ гдѣ увеличилось въ различныхъ мѣстностяхъ въ двое, гдѣ въ трое а гдѣ и въ четверо.[2]

человѣкъ. Въ городѣ Норвичѣ погибло отъ моровой язвы втеченіи шести мѣсяцовъ болѣе 57,000 человѣкъ. Въ самомъ Лондонѣ, не смотря на обычай зарывать въ одну яму 10, 20, 40, и даже 60 труповъ, существующихъ кладбищъ оказалось недостаточнымъ для погребенія всѣхъ умершихъ и пришлось открывать новыя. На одномъ изъ послѣднихъ, New Church Yard, въ одинъ 1349ый годъ похоронено 50,000 человѣкъ. (См. Barnes, History of that most victorious monarch Edward the Third, стр. 436.) Въ Бристолѣ моровая язва свирѣпствовала до такой степени, что живые не имѣли времени погребать умершихъ, трава выросла на нѣсколько футовъ высоты въ High и Broad Streets (См. Seebohm, Fortnightly Review, т. II., стр. 157 и 158).

[1] Тогда какъ, говоритъ Barnes, безчисленное множество простаго народа было истреблено моровой язвой, къ удивленію ни одинъ король и правитель не погибъ въ цѣломъ Христіанскомъ мірѣ. И даже изъ дворянъ, только весьма небольшое число было истреблено моровой язвой, особенно въ Англіи. . . . Изъ высшаго духовенства погибли лишь весьма немногіе. За то въ нисшемъ произошло такое опустошеніе, что множество церквей оставлено было безъ пресвитеровъ и не возможно было, поэтому, совершать требъ. Barnes не видитъ другаго объясненія тому факту, что моровая язва истребила особенно много людей въ средѣ нисшихъ классовъ общества и лишь немногихъ членовъ дворянства и духовенства, кромѣ того, "that it pleased God to spare these either for the well-governing the remainder, or for their further punishment" (см. стр. 438, 439.)

[2] Объ увеличеніи заработковъ приходскаго духовенства Barnes говоритъ слѣдующее: "Весьма было трудно найти приходскаго священника, capellanus, chaplain, на жалованьи меньше десяти фунтовъ или марокъ въ годъ, и викара, на жалованьи меньше двадцати фунтовъ

Не принимая никакихъ мѣръ противъ возвышенія заработковъ низшаго духовенства, кромѣ духовнаго увѣщанія и церковныхъ наказаній Эдуардъ III обратилъ все свое вниманіе на насильственное уменьшеніе заработной платы сельскихъ и городскихъ рабочихъ.[1]

На сколько можно судить изъ писемъ короля къ меру и бальифамъ города Сандвича правительство прежде всего обратилось къ запреще-

---

или марокъ, тогда какъ до моровой язвы, при большомъ числѣ молодыхъ священнослужителей, легко можно было найти приходскаго священника на жалованьи въ четыре или пять марокъ въ годъ, и даже на жалованьи въ двѣ и три марки, въ послѣднемъ случаѣ, подъ условіемъ доставленія ему провизіи" (стр. 439.)

[1] Запретительныя мѣры, принятыя Эдуардомъ IIIмъ противъ увеличенія заработковъ ремесленниковъ и сельскихъ рабочихъ, въ разное время обсуждались различно историками. Kitchin и Barnes находятъ въ нихъ основаніе къ громкому прославленію мудрости короля. "The king, говоритъ послѣдній изъ названныхъ писателей, who knew as well how to reduce a refractory and disobedient subject as to conquer a foreign enemy, undertook to tame the insolence (of workmen) in such a way as both wholly cured their madness and prevented that ruin which was like to ensue thereby; and also at the same time enriched his own coffers in order to the carrying on of his great and chargeable affairs" (см. Barnes: History of that most glorious king, Edward the Third, стр. 441.) Иначе относятся къ тому же факту новѣйшіе историки, Thorold Rogers, Seebohm, Longman, Freeman, Maurice, и др. "It has become the fashion in our time, говоритъ Brentano, to represent these wage-regulations as a policy contrived for the oppression of the labourer, and this especially in explanations to workingmen asking for legal regulations of wages, as they frequently did towards the end of the last century and in the beginning of the present,—of the superior value of modern legislation for the working class," Brentano смотритъ на законодательство о рабочихъ XIVго вѣка, съ точки зрѣнія своей партіи, партіи катедеръ-соціалистовъ. Неудивительно, поэтому, что онъ относится къ нему не безъ нѣкотораго сочувствія. "The regulations of wages, по его мнѣнію, were but the expression of the general policy of the middle ages, which considered that the first duty of the state was to protect the weak against the strong, which not only knew of rights, but also of duties of the individual toward society, and condemned as usury every attempt to take unseemly advantage of the temporary distress of one's neighbours."

нію эмиграціи, послѣдствіемъ которой было уменьшеніе числа рабочихъ рукъ и увеличеніе заработковъ, къ явной, какъ сознается король, невыгодѣ королевской казны,[1] терявшей одновременно какъ отъ увеличенія заработной платы въ предѣлахъ королевскихъ помѣстій, такъ и отъ обѣдненія владѣтельныхъ классовъ чрезмѣрными затратами на содержаніе вольнонаемнаго труда. Послѣднее обстоятельство грозило правительству уменьшеніемъ суммы сборовъ съ предметовъ потребленія и увеличеніемъ трудностей при взиманіи налоговъ.

Шесть мѣсяцовъ спустя, 18го Іюня 1350го года, король, посовѣтовавшись предварительно съ магнатами,[2] разсылаетъ по графствамъ особое постановленіе, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ ordinance of labourers.[3] Такъ какъ, сказано въ предисловіи къ этому постановленію, значительная часть населенія королества, состоящая главнымъ образомъ изъ рабочаго люда, вымерла, по случаю посѣщенія страны чумой, многіе рабочіе, пользуясь тѣмъ, что ихъ хозяева нуждаются въ рабочихъ рукахъ, а число послѣднихъ значительно уменьшено моровой язвой, не соглашаются служить иначе, какъ подъ условіемъ чрезмѣрнаго вознагражденія; многіе предпочитаютъ даже нищенствовать въ бездѣйствіи, нежели трудомъ заработывать себѣ пропитаніе. Принимая во вниманіе невыгоды, могущія произойти особенно отъ недостатка пахатниковъ и вообще сельскихъ рабочихъ, и посовѣтовавшись предварительно съ прелатами, дворянами и вообще свѣдущими людьми, король принимаетъ слѣдующія мѣры противъ лицъ, отказывающихся работать; всякій, каковъ бы ни былъ его полъ и состояніе, не достигшій еще шестидесятилѣтняго возраста, не

Изъ послѣдующаго изложенія, читатель увидитъ, какъ мало оправдывается дѣйствительностью мнѣніе Brentano о защитѣ этими законами слабыхъ противъ сильныхъ.

[1] См. Rymer's Fœdera, conventiones litteræ et cujuscunque generis acta publica; изданіе 1708го года, томъ V., стр. 668, письма короля "de non permitenda causa pestilentiæ fugientibus transire ad partes externas. . . . Primo die Decembri (1349) Apud Westmonasterium.

[2] Парламентъ не былъ созванъ по случаю продолженія чумы (см. Barnes, стр. 437.)

[3] См. Statutes of the Realm, т. I., стр. 337ая.

занимающійся ни опредѣленнымъ ремесломъ, ни торговлей, ни обработкой земли и не имѣющій въ то же время самостоятельныхъ средствъ къ жизни, обязанъ принять дѣлаемое ему предложеніе и брать жалованье и пропитаніе, какое хозяева имѣли обыкновеніе давать рабочимъ втеченіи пяти или шести лѣтъ, предшествовавшихъ 20му году царствованія Эдуарда IIIго. Всякій, отказавшійся отъ предложенной ему на такихъ условіяхъ работы, подлежитъ тюремному заключенію вплоть до представленія имъ поручительства въ поступленіи на службу на вышеуказанныхъ условіяхъ. Рабочимъ запрещается въ тоже время подъ страхомъ тюремнаго заключенія оставлять своихъ хозяевъ ранѣе означеннаго въ условіи срока. Оба постановленія подтверждаются въ частности по отношенію какъ къ сельскимъ рабочимъ, такъ и ремесленникамъ, какъ то, сапожникамъ, портнымъ, плотникамъ, каменьщикамъ, лицамъ, занятымъ выдѣлываніемъ кожъ, приготовленіемъ сѣделъ, бутылокъ, черепицъ и т. д.

Одновременно на хозяевъ возложена обязанность не держать въ своемъ услуженіи большаго, чѣмъ нужно, числа работниковъ, а также не давать имъ другаго жалованья или поденной платы, кромѣ тѣхъ, какія были въ ходу въ годы, предшествующіе двадцатому году царствованія Эдуарда IIIго. Наказаніемъ за неисполненіе этого постановленія служитъ уплата суммы, равной двойной надбавкѣ, лицу начавшему искъ противъ рабочаго, все равно, будетъ ли это лицо лично заинтересовано въ несуществованіи подобныхъ надбавокъ, или нѣтъ.

Не ограничиваясь принятіемъ вышеуказанныхъ мѣръ, король думаетъ повліять на уменьшеніе денежныхъ требованій рабочихъ, привлекши къ труду всѣхъ нищенствующихъ, способныхъ къ работѣ, и возложивши на духовенство обязанность побуждать населеніе къ труду, какъ убѣжденіями, такъ и церковными наказаніями. Отсюда, съ одной стороны, запрещеніе давать милостыню всѣмъ, кто въ состояніи добывать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ, и приказъ церковнослужителямъ, употреблять духовныя увѣщанія по отношенію ко всѣмъ нежелающимъ трудиться, а, съ другой стороны, требованіе, чтобы послѣдніе налагали церковныя наказанія на приходскихъ священниковъ, не соглашающихся отправлять требы на жалованьи, бывшемъ въ ходу три года тому назадъ.

Постановка приговоровъ по искамъ, поводомъ къ которымъ слу-

жить нарушеніе того или другаго изъ вышеприведенныхъ постановленій, предоставлено на первыхъ порахъ патримоніальнымъ и королевскимъ судамъ (сотень, подраздѣленій графствъ и графствъ), нѣсколько мѣсяцовъ спустя, особо назначеннымъ королемъ судьямъ, которымъ въ отношеніи къ поимкѣ и предварительному задержанію всѣхъ лицъ, нарушавшихъ постановленія королевскаго статута, подчинены всѣ органы полицейской администраціи въ графствѣ.[1]

По прекращеніи моровой язвы король созываетъ Парламентъ. Цѣлью созванія было, какъ видно изъ тронной рѣчи, принятіе новыхъ мѣръ къ охраненію мира и опредѣленію законодательнымъ путемъ отношеній предпринимателей къ рабочимъ. Петиція, поданная королю общинами, не только относится съ полнымъ одобреніемъ къ изданному имъ годъ тому назадъ ордоннансу, но еще требуетъ усиленія наказаній для работниковъ, не соглашающихся служить на прежнихъ условіяхъ. "Qe pleise a nostre Seignur le Roy, читаемъ мы въ тетрадяхъ петицій, qe corporel penaunce ovesqes redemption soit faite sur eux, come ils serrout atteintz en due manere и т. д."

Причина, почему общины считаютъ усиленіе наказаній необходимымъ, та, что предписанные королемъ штрафы оказываются недѣйствительными: "ne ils (т. е. рабочіе) ne ount regard a fynes ne a redemptions, mes fount de jour en autre de pire ou pis."

Общины просятъ въ тоже время, чтобы суммы, составленныя изъ штрафовъ, наложенныхъ на рабочихъ и предпринимателей, нарушившихъ то или другое изъ постановленій статута о рабочихъ шли на покрытіе недоимокъ графствъ и городовъ въ взиманіи dismes и quinzismes.[2]

Изданный вслѣдъ за созваніемъ Парламента "Le statut d'artificers и servauntz" воспринимаетъ въ себя постановленія королевскаго ордоннанса и въ то же время значительно дополняетъ по-

---

[1] См. письма, обращенныя королемъ Andreo de Bures, Willielmo Carbonel, Johanni de Appale, Radulpho de Bockyng, Richardo Troysel et Gilberto de Debenham, (помѣщены Rymer'омъ въ его Fœdera, т. V., стр. 693.) Въ нихъ между прочимъ мы находимъ слѣдующее мѣсто: "Assignavimus vos, quinque, quatuor, tres et duos vestrum ad dictam ordinationem in comitatu prædicto, infra libertates et extra custodiendam, et deliquentes contra eandem juxta vim et effectum ejusdem ordinationis puniendum et castigandum."

[2] Parl. Rolls, т. II., стр. 227, 238.

слѣдній новыми статьями, опредѣляющими плату поденьщиковъ, предписывая сельскимъ рабочимъ, по прежнему, получать жалованье сельскими продуктами, буде хозяева найдутъ послѣдній способъ уплаты болѣе выгоднымъ для себя. Тенденція законодательства— замѣнить поштучную и поденную работу годовой и запрещеніемъ переселеній удержать сельскихъ рабочихъ въ имѣніяхъ ихъ владѣльцовъ.

Отсюда, съ одной стороны, постановленіе, что сельскіе рабочіе будутъ служить не поденно, а или круглый годъ, или въ теченіи установленнаго обычаемъ срока, а, съ другой, признаніе за шерифами, констеблями, сенешалами и бальифами права заключать въ тюрьму каждого рабочаго, оставившаго помѣстье, въ которомъ онъ провелъ зиму, и идущаго на лѣтніе заработки въ другое графство, городъ или помѣстье.[1]

Какъ сельскіе рабочіе, такъ и ремесленники, нанимаются не иначе, какъ въ городахъ, на площадяхъ или рынкахъ, и призываются при поступленіи на службу къ подачѣ присяги въ точномъ соблюденіи ими постановленій статута о рабочихъ.

Наблюденіе за осуществленіемъ его въ дѣйствительности возлогается на сенешаловъ, бальифовъ и констеблей. Послѣдніе должны доносить о нарушеніяхъ статута судьямъ, особо назначеннымъ для разбирательства всѣхъ подобнаго рода дѣлъ.

Наказанія, грозящія рабочимъ, не исполнившимъ данной присяги, состоятъ въ штрафахъ и тюремномъ заключеніи. Срокъ послѣдняго увеличивается вдвое въ случаѣ рецидива.

Рабочій, получившій бо́льшее жалованье противъ дозволеннаго, присуждается судьями къ возвращенію его предпринимателю, если послѣдній начнетъ противъ него искъ, и въ казну города или мѣстечка, если процессъ будетъ начатъ не частнымъ лицомъ, а отъ имени короля. Суммы, составленныя изъ этихъ взысканій, идутъ, согласно ходатайству общинъ, на покрытіе недоимокъ мѣстечекъ и городовъ въ уплатѣ dime и quinzisme.

Съ цѣлью уничтожить въ средѣ рабочихъ всякія попытки къ коллективной оппозиціи, законодательство объявляетъ подстрекателями

---

[1] Исключеніе дѣлается лишь для жителей графствъ Stafford, Lancaster, Derby, а также для рабочихъ, приходящихъ изъ Шотландіи, Уельса и Кревена.

всѣхъ и каждого "qi parlent en presence des dites Justices, ou autres choses facent en lour absence ou presence, en abandissement ou meintenance des ditz servantz et laborers, ou contraire de ceste ordinance."

Судьямъ предоставлена дискреціонная власть при опредѣленіи наказаній для всѣхъ подобнаго рода подстрекателей.[1]

Justices of labourers, согласно постановленіямъ изданнаго въ томъ же 1351мъ году статута "de forma levationis decimœquintœ," должны быть избраны Палатой общинъ. Они обязаны засѣдать ежегодно въ четыре различные срока: Благовѣщенія, праздниковъ Святой Маргариты, Святаго Михаила и Святаго Николая, и получаютъ опредѣленное жалованье, уплачиваемое имъ изъ суммы "issuez et profitz sourdantz a lour sessions."

Назначеніе этихъ судей изъ рукъ депутатовъ отъ общинъ въ скоромъ времени переходитъ къ королю. Мы имѣемъ даже право сомнѣваться въ томъ, чтобы постановленіе статута объ избраніи justices of labourers депутатами отъ общинъ, когда либо было примѣняемо на практикѣ. Въ цѣломъ рядѣ королевскихъ патентовъ этого времени я не нашелъ ни одного указанія на утвержденіе королемъ въ должности кандитатовъ Палаты. По общепринятому мнѣнію, судебное разбирательство всѣхъ процессовъ, поводомъ къ которымъ служило нарушеніе тѣхъ или другихъ постановленій статута о рабочихъ, было предоставлено королемъ съ самаго начала мировымъ судямъ. Вопреки этому мнѣнію, я рѣшаюсь утверждать, на непреложномъ свидѣтельствѣ королевскихъ патентовъ, что обязанности justices of labourers долгое время были отправляемы иными лицами, нежели мировыми судьями, и что обѣ должности были соединены воедино не ранѣе 36го года царствованія Эдуарда IIIго. Въ подтвержденіе только что сказаниаго я приведу in extenso содержаніе одного изъ королевскихъ патентовъ отъ 33го года царствованія Эдуарда IIIго, обращеннаго къ Johanno de Suthbury, Johanno de Neuport и Thome Tyrel, justices of labourers въ графствѣ Essex.

"Assignavimus vos et duo vestrum, сказано въ этомъ патентѣ,

---

[1] См. Statutes of the Realm, т. I., стр. 311, 312, 313.

Qe Commission dez laborers soient faitz as certeintz gentz en chescune Countee nommez per les ditz Communes en mesme le parlement denquere et de fair droit solonc le statut avant dit.

justiciarios ad ordinaciones et statuta de operariis, artificibus et servitoribus . . . in diversis consiliis et parlamentis apud Westmonasterium nuper tentis pro communi utilitate regni nostri Angliæ facta in omnibus et singulis suis articulis in comitatu Essex infra libertates et extra custodiendum et custodiri faciendum et ad inquirendum de vicecomitibus, senescallis, ballivis, ministris et aliis quibuscunque qui colore ordinacionum et statutorum prædictorum hujusmodi operarios artifices et servientes ceperunt et fines et redempciones ad cosas suas applicare auctoritate sua propria, condicionibus in dictis ordinacionibus et statutis contentis non obsequatis, deliberaverunt et ad omnia et singula, quæ contra formam statutorum et ordinacionum prædictorum in comitatu prædicto fuerunt acceptata, tam ad sectam nostram, quam aliorum quorumcunque coram vobis persequi vel conqueri volentium, audiendum et terminandum juxta vim et effectum ordinacionum et statutorum prædictorum. Assignavimus etiam vos et duo vestrum justiciarios nostros ad omnia indictamenta et processus hujusmodi operarios, artifices et servientes tangencia coram justiciariis nostris in eodem comitatu ultimo assignatis in hac parte nondum terminata audiendum et debita fine terminandum. . . . [1]

Предоставленіе предметовъ вѣдомства justices of labourers мировымъ судьямъ происходитъ по настоянно общинъ въ 36мъ году царствованія Эдуарда IIIго. Въ тетрадяхъ петицій, представленныхъ въ этомъ году Эдуарду, мы встрѣчаемъ ходатайство слѣдующаго содержанія: "Qe les justices de pees eient poair d'enquere des servants, laborers et artificers." Засѣданія прежнихъ justices of labourers должны, поэтому, впредь происходить въ тѣже сроки, что и мировыхъ судей, а именно въ недѣлю всѣхъ святыхъ, во вторую недѣлю великаго поста, въ недѣлю пятидесятницы и недѣлю, слѣдующую за праздникомъ Св. Михаила.[2] Мировые судьи получаютъ съ этого времени названіе Justices de la Pees et de laborers и

---

[1] Record Office, Patent Roll, 33, Edw. III., number 27, dorso. Подобныя же полномочія разосланы въ томъ же году лицамъ, назначеннымъ justices of labourers, въ графствахъ Dorset, Oxford, Berkshire, Herefordshire, а также въ западные и сѣверные Ridings графства Іоркъ.

[2] Parl. Rolls, т. II., стр. 271.

присоединяютъ къ прежней судебной присяги присягу justices of labourers.[1]

Королевскія полномочія вновь назначеннымъ правительствомъ мировымъ судьямъ съ этого времени одинаково предоставляютъ имъ, какъ право судить тѣ или другіе виды нарушенія мира, такъ и судебныя функціи, входившія прежде въ полномочія justices of labourers.

" Assignavimus etiam vos, читаемъ мы между прочимъ въ полномочіяхъ, разосланныхъ вновь назначеннымъ судьямъ въ 42ой годъ царствованія Эдуарда IIIго, justiciarios nostros ad inquirendum per sacramentum proborum et legalium hominum de comitatu prædicto tam infra libertates quam extra etc. . . . de quibuscunque operariis, artificibus et servitoribus et aliis, qui contra formam ordinacionum et statutorum pro communi utilitate regni nostri de hiis operariis, artificibus, servitoribus . . . factorum, delinquerunt vel exnunc delinquere præsumpserint et ad processus versus omnes quos de feloniis hujusmodi contingerit indictari quousque cappiantur reddantur vel utlagentur faciendum . . . et ad eosdem operarios, artifices et servitores per fines, redempciones et amerciamenta et aliquo modo pro delictis suis . . . castigandum et puniendum secundum leges et consuetudines regni nostri et formam ordinacionum et statutom prædictorum (statutorum de operariis.[2])

Таковы мѣры, принятыя законодательствомъ для приведенія въ исполненіе статута о рабочихъ.

Спрашивается теперь, на сколько были дѣйствительны всѣ выше приведенныя мѣры, направленныя къ насильственному уменьшенію заработной платы ; удалось ли имъ принудить рабочихъ ограничиться тѣми заработками, какіе они получали до моровой язвы, или же, напротивъ того, заработная плата продолжала возростать, не взирая на стѣснительныя постановленія законодательства?

Опираясь на факты, имѣющіе далеко не общій, а мѣстный характеръ, Торольдъ Роджерсъ въ своей исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи приступилъ къ рѣшенію этого вопроса съ предвзятой цѣлью—

---

[1] Форма присяги помѣщена мною въ приложеніи по рукописи Британскаго музея N. 6873, Plut. XLV., 4.

[2] Record Office, Patent Roll, 42, Ed. III., part 2, N. 29, сравни также Patent Roll, 49, Edward III., pars iii. (MS. Bibl. Lansdown, N. 293, fol. 179 dorso.)

доказать невозможность измѣненія правительственными предписаніями дѣйствія экономическаго закона спроса и предложенія. Оставляя безъ всякаго вниманія политику рабочаго сословія по отношенію къ этимъ законамъ, и ограничиваясь лишь указаніями, какъ на увеличеніе къ концу XIV-го вѣка платы сельскихъ работниковъ и ремесленниковъ, такъ и на постоянныя жалобы общинъ на недостаточность мѣръ, принятыхъ противъ рабочихъ, Торольдъ Роджерсъ приходитъ къ заключенію, "that the statutes of labourers insisting on the retention of the old rates of payment under pain of imprisonment or fine, were practically inoperative." [1]

Даже въ тѣхъ немногихъ фактахъ, которыми Торольдъ Роджерсъ счелъ возможнымъ ограничиться при построеніи своего вывода, онъ нашелъ данныя положительно отрицающія послѣдній и заставляющія его сознаться, "that the statute of labourers may indeed have produced some effect on farm labour." Въ rentals помѣстій, принадлежавшихъ университетскимъ коллегіямъ Оксфорда и Кембриджа, Торольдъ Роджерсъ нашелъ цѣлый рядъ помарокъ, сдѣланныхъ управителями при обозначеніи суммъ, уплоченныхъ сельскимъ рабочимъ; на мѣсто прежнихъ сравнительно большихъ чиселъ выставлены меньшія.

Примѣненіе статута о рабочихъ нерѣдко ведетъ къ возстанію въ средѣ рабочихъ того или другаго помѣстья и дѣло не обходится безъ кровавыхъ столкновеній между ними и помѣщикомъ. Въ сверткахъ королевскихъ патентовъ этого времени мы неоднократно встрѣчаемъ случаи назначенія тѣхъ или другихъ лицъ для судебнаго разслѣдованія и постановки приговоровъ надъ рабочими, "qui verberaverunt, vulneraverunt et male tractaverunt" помѣщика или его управляю-

---

[1] См. Thorold Rogers, т. I., стр. 269, 270, 271, и слѣд. Стр. 299: "We have already seen from the evidence of facts, that these statutes were inoperative. We might indeed have anticipated that they would be, because it is impossible that legislative enactments should override economical laws. And besides these facts we read continually of petitions in Parliament, complaining that the statute of labourers was not kept. In the strictness of the letter it could not possibly be kept, for it would have been necessary that the price of all commodities, the value of which is determined by the cost of labour expended on them should have remained stationary and have conformed to regulations of the enactments, etc."

щаго, пытавшихся привести въ исполненіе тѣ или другія постановленія статута о рабочихъ.[1]

Въ свою очередь король не отказывается ни отъ какихъ мѣръ строгости для приведенія въ исполненіе постановленій статута въ своихъ помѣстьяхъ.

Въ 1356мъ году, когда рабочіе, занятые приготовленіемъ пергамента для государственныхъ грамотъ, недовольные уменьшеніемъ жалованья, оставляютъ внезапно королевскія мастерскія, король поручаетъ спеціально назначеннымъ для того лицамъ, арестовать всѣхъ подобнаго рода людей и вернуть ихъ насильственно въ оставленныя ими мастерскія.[2]

Въ 1360мъ году король разсылаетъ во всѣ графства особыя предписанія, не только арестовывать и насильственно возвращать въ королевскія помѣстья всѣхъ рабочихъ, своевольно оставившихъ ихъ, съ цѣлью найти болѣе прибыльные заработки, но и подвергать штрафамъ въ пользу короля всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцовъ, припявшихъ къ себѣ въ услуженіе рабочихъ съ королевскихъ помѣстій.[3]

Эти предписанія возобновлены годъ спустя по отношенію, въ частности, къ плотникамъ, каменьщикамъ и другимъ рабочимъ, занятымъ производствомъ построекъ въ королевскихъ замкахъ и оставившимъ работы въ надеждѣ получить лучшіе заработки въ помѣстьяхъ тѣхъ или другихъ свѣтскихъ или духовныхъ владѣльцовъ.[4]

---

[1] Record Office, Patent Roll, 30 Edward III., часть iii., письма, обращенныя королемъ къ Willielmus de Shareshull, Guilbertus Chapeleyn, Chivaler, и Robertus de Wighthull, (въ городѣ Strafford super Evene). Apud Westmonasterium, VI., die Octob. . . . см. также ibid. подобныя же полномочія, данныя извѣстнымъ лицамъ въ графствѣ Suffolk (отъ 17го и 28го Октября того же года), а также королевскія письма отъ 15го Февраля 1362го года, въ которыхъ говорится о проступленіяхъ, совершенныхъ рабочими противъ хозяевъ въ графствѣ Bedford. (Patent Roll, 37 Edward III., number 29).

[2] Record Office, Patent Roll 31 Edward III., part ii., number 14 dorso, письма, обращенныя королемъ изъ Вестминстера 15 Іюля 1366го года Waltero de Kelby, Johanni de Outhorp и Johanni de Blythe de Lincoln.

[3] Record Office, Rotulus Clausus 35 Edward III., number 32 dorso, напечатанъ въ Parl. Rolls, т. II., Appendix, стр. 458.

[4] Record Office, Rotulus Clausus, 36 Edward III., number 36 dorso.

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что статутъ о рабочихъ не остался мертвой буквой и что, если его предписанія и не оказали продолжительнаго вліянія на состояніе заработной платы, то причину тому слѣдуетъ искать не въ недостаткѣ мѣръ къ ихъ вынужденію, а въ рѣшительной и успѣшной оппозиціи, оказанной примѣненію этого статута рабочимъ населеніемъ королевства.

Насильственнымъ мѣрамъ короля и Парламента рабочее сословіе противупоставило силу свободнаго соединенія, основаннаго на сознаніи единства интересовъ и цѣлей. Робочіе союзы, первоначально явившіеся въ городдахъ въ формѣ ремесленническихъ цѣховъ, постепенно возникаютъ и въ деревняхъ—фактъ неимовѣрной важности, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ оставленный безъ надлежащаго освѣщенія. Образованіе союзовъ въ средѣ сельскаго населенія, съ цѣлью противиться приведенію въ исполненіе постановленій о рабочихъ, начинается съ самаго момента ихъ появленія. Статутъ 1350го года уже принимаетъ мѣры противъ лицъ, подстрекающихъ рабочихъ къ сопротивленію. Къ концу царствованія сельскіе рабочіе почти въ каждомъ помѣстьи соединены между собою въ союзы, къ немалому ужасу помѣщиковъ, въ глазахъ которыхъ рабочія братства мало чѣмъ отличаются отъ разбойничьихъ шаекъ. "Les villeins et terre—tenauntz en villenage, жалуются общины королю Ричарду Іму., въ самый годъ его воцаренія, . . . sont confedres et entre—alies de contrestre lour ditz Seignours et lour ministres a fort mayn et qe chescun serra aidant a autre."

Союзы являются для рабочихъ не болѣе какъ средствомъ къ успѣшной борьбѣ противъ притѣснительныхъ для нихъ законодательныхъ постановленій. Ихъ цѣль—стать въ такое положеніе, при которомъ практическое примѣненіе статута о рабочихъ сдѣлалось бы невыполнимымъ.

Два пути представляются для достиженія этой цѣли.

Во первыхъ,—миграція и эмиграція. Какъ только хозяинъ или управитель рѣшается уменьшить плату рабочимъ или производитъ послѣднюю вопреки ихъ желанію не деньгами, а хлѣбнымъ зерномъ, притомъ въ прежнемъ размѣрѣ, такъ немедленно подымается съ своихъ мѣстъ все рабочее населеніе помѣстья. Оно или идетъ искать той же работы въ другое графство, избѣгая тѣмъ самымъ преслѣдованій мѣстной полиціи, или перехо-

дить къ занятію болѣе производительными городскими промыслами, или, наконецъ, не считая возможнымъ избѣгнуть иначе тяжкаго гнета законодательныхъ предписаній, оставляетъ отечество и ищетъ работы на континентѣ.

"Laborers et servants, жалуются общины, sey fuent d'un countee en autre dount les uns vont as grantz villes et devignent artificers, les uns en estrange pays pur laborer par cause des excessives lowers etc." [1]

Во вторыхъ,—покупка поземельныхъ надѣловъ и сырья съ цѣлью перейти изъ положенія простаго наймита въ положеніе недвижимаго собственника или предпринимателя, къ которому, по тому самому, не приложимы постановленія статута о рабочихъ.

Послѣдній, какъ было уже сказано нами выше, признаетъ обязанность поступать въ служебныя отношенія лишь за лицомъ, не владѣющимъ недвижимой собственностью,[2] и не занимающимся ни торговлей, ни ремеслами.

При измѣненіи, произведенномъ моровой язвой, въ отношеніи числа потребителей къ количеству предметовъ первой необходимости, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ, неудивительно, что доходность помѣстій значительно уменьшилась. Къ уменьшенію доходовъ отъ эксплуатаціи имѣній собственными средствами нужно прибавить труд-

---

[1] Parliament XLVI., Edward III., (Parl. Rolls, т. II., стр. 312, N. 30.) Поразительно въ этомъ отношеніи сходство между движеніемъ въ средѣ сельскихъ рабочихъ 14го вѣка и мѣрами, принятыми въ наше время великобританской лигой сельскихъ рабочихъ подъ предводительствомъ и съ иниціативы методистскаго миссіонера и сельскаго рабочаго Арча. Миграція изъ юго-западныхъ графствъ и особенно изъ Сомерсетшира и Дорсетшира, гдѣ цѣны на трудъ особенно низки въ Сѣверные и Восточные и переходъ отъ сельскаго труда къ болѣе производительной работѣ въ каменоугольныхъ копяхъ, наконецъ эмиграція цѣлыми семействами въ Канаду, Новую Гвинею и Соединенные Штаты, таковы тѣ средства, къ которымъ обратились года два тому назадъ сельскіе рабочіе юго-западныхъ графствъ Англіи и результатами которыхъ было уже увеличеніе заработной платы съ 8 и 9 на 12 и 13 шиллинговъ въ недѣлю.

[2] "Non vivens de mercatura, nec certum exercens artificium, nec habeans de suo proprio unde vivere vel terram propriam circa culturam cujus se poterit occupare." (Ordinance concerning labourers and servants 23 Edward III., Statutes of the Realm, т. I., стр. 307.)

ность для владѣльцовъ найти достаточное число рабочихъ рукъ. При этихъ условіяхъ неудивительно, что помѣщики охотно соглашались на отчужденіе въ полную собственность или арендное пользованіе отдѣльныхъ участковъ въ предѣлахъ владѣемыхъ ими помѣстій,[1] системѣ, которая, какъ мы только что старались доказать, была къ интересахъ рабочаго населенія королевства.

"Les laborers et artificers, жалуются общины,[2] pernent bovees de terre,[3] ou demy bovee des Seignurs, quele n'est pas sufficiauncee pur eux dount vivre ou estre occupez, de lour excuser de servir par termes."

Другимъ средствомъ для той же цѣли, избѣжать по возможности примѣненія постановленій статута о рабочихъ, служитъ пріобретеніе послѣдними сырья.

Торольдъ Роджерсъ констатируетъ тотъ любопытный фактъ, что кузнецъ, который до моровой язвы обыкновенно получалъ желѣзо для подковъ отъ владѣльца помѣстья, съ этого времени приготовляетъ подковы изъ собственнаго желѣза—явное доказательство тому, прибавляетъ отъ себя Торольдъ Роджерсъ, что моровая язва имѣла своимъ послѣдствіемъ возвышеніе рабочихъ въ металическомъ производствѣ изъ положенія работниковъ по найму въ положеніе капиталистовъ.[4]

Причину этому факту слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать въ характерѣ самаго законодательства о рабочихъ, которое, избавляя предпринимателей отъ всѣхъ тѣхъ стѣснительныхъ постановленій, которыми была обставлена жизнь рабочаго по найму, побуждало послѣдняго къ затратѣ всѣхъ находящихся въ его распоряженіи средствъ для перехода въ болѣе благопріятное положеніе предпринимателя.

Изъ всего сказаннаго видно, что, если законы о рабочихъ въ общемъ результатѣ и не воспрепятствовали увеличенію заработной платы, то причину тому слѣдуетъ искать ни въ чемъ иномъ, какъ

---

[1] Эта мысль успѣшно развита Thorold'омъ Rogers'омъ.

[2] Въ 28ой годъ царствованія Эдуарда III., Parl. Rolls, т. II., стр. 261, N. 44.

[3] Bovée de terre—пространство, какое можно вспахать въ день, впрягши быка въ плугъ (Roquefort) эта мѣра весьма употребительна въ Англіи; въ XIV^мъ. вѣкѣ.

[4] Thorold Rogers, т. II., стр. 280, 299.

въ ловкой и энергичной политикѣ рабочаго класса, впервые сознавшаго свою солидарность и принудившаго помѣщиковъ и предпринимателей самимъ отступиться отъ своихъ требованій.

Въ виду оставленія полей ихъ воздѣлывателями, крупные поземельные собственники, свѣтскіе и духовные магнаты и монастыри прежде другихъ уклонились отъ точнаго исполненія парламентскаго статута. Въ письмахъ, обращенныхъ въ 1360мъ году къ шерифамъ различныхъ графствъ, король жалуется на то, что рабочіе, оставившіе его помѣстья, получаютъ гораздо большіе заработки "in serviciis religiosorum et aliorum dominorum" и что послѣдніе охотно принимаютъ къ себѣ въ услуженіе всѣхъ бѣглецовъ изъ королевскихъ помѣстій.[1]

Чтобы положить конецъ нарушенію парламентскаго статута и оградить интересы собственной казны, король предписываетъ штрафовать въ пользу послѣдней всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцовъ, принявшихъ въ свое услуженіе рабочихъ съ королевскихъ помѣстій. Этимъ средствомъ король, по свидѣтельству современниковъ, обогатилъ не мало свою казну,[2] но не положимъ конецъ дальнѣйшимъ нарушеніямъ статута о рабочихъ.

Изъ желанія избѣжать штрафовъ, духовные постарались о присвоеніи собственнымъ судамъ "plee touchant laborers et artificers," присвоеніи, на которое общины приносятъ королю особую жалобу въ тетрадяхъ петицій, представленныхъ въ 47ой годъ царствованія Эдуарда IIIго.[3]

Если крупные поземельные собственники въ собственныхъ интересахъ сочли нужнымъ отступить отъ точнаго примѣненія статута о рабочихъ, то мелкіе поземельные владѣльцы, доведенные одновременнымъ возростаніемъ заработной платы и уменьшеніемъ доходовъ съ помѣстій до состоянія лицъ, "qe achatent la vesture de lour terre a pay a la value,"[4] видѣли въ строгомъ соблюденіи законодательства о рабочихъ единственное средство къ улучшенію ихъ экономическаго положенія. Этой цѣли должны были въ ихъ глазахъ

---

[1] Rotulus clausus, 35 Edward III., т. III., dorso.

[2] См. Barnes, выше приведенное мѣсто.

[3] Parl. Rolls, т. II., стр. 47.

[4] "Которые отдаютъ весь получаемый ими доходъ на обработку полей" см. Parl. Rolls, т. II., Parliament 42, Edward III., (стр. 286, N. 15.)

подчиниться всѣ остальные интересы государства. Съ 28го года царствованія Эдуарда IIIго. они подаютъ королю цѣлый рядъ петицій, въ которыхъ требуютъ не только точнаго соблюденія статута о рабочихъ, но и дополненія послѣдняго новыми, еще болѣе стѣснительными постановленіями.

Въ 1376мъ году они ходатайствуютъ о взиманіи на будущее время съ рабочихъ, получившихъ надбавки въ жалованьи противъ прежнихъ годовъ, двойной суммы противъ того, что было получено ими отъ предпринимателей сверхъ должнаго.

Въ 1376мъ году они не останавливаются даже предъ полнѣйшимъ уничтоженіемъ дарованной великой хартіей свободы отъ арестовъ; требуя, чтобы всѣ пришлые рабочіе были арестовываемы и содержимы въ тюрмахъ—пока не собрано будетъ необходимыхъ свѣдѣній объ ихъ происхожденіи и прежнихъ хозяевахъ,[1] новый примѣръ тому, какъ охотно сословія жертвуютъ политической свободой изъ своихъ эгоистическихъ интересовъ.

На всѣ эти требованія король отвѣчаетъ полумѣрами. Чтобы воспрепятствовать переходу рабочихъ отъ одного занятія къ другому, король постановляетъ еще въ 1352мъ году, что никто не будетъ отправлять разомъ два ремесла, и что каждый обязанъ оставаться при разъ выбранномъ имъ видѣ занятій.[2]

Въ 1376мъ году, по настоянію помѣщиковъ Вильтшира, Бристоля, Сомерсетшира, Глочестера и Дорсетшира, жалующихся на то, что вывозъ шерсти въ Нормандію ведетъ къ занятію въ шерстяномъ производствѣ большаго числа рабочихъ рукъ, употребленіе которыхъ было бы желательно въ сельскомъ хозяйствѣ, Эдуардъ IIIій. издаетъ постановленіе, запрещающее на будущее время безпошлинный вывозъ шерсти, постановленіе, которое, уменьшивши размѣры шерстянаго производства, должно было тѣмъ самымъ, согласно разсчетамъ правительства, доставить сельскому хозяйству новый контингентъ работниковъ.[3]

Ограничиваясь полумѣрами, король въ то же время постоянно

---

[1] Parl. Rolls, vol. II., p. 340.

[2] Король дѣлаетъ исключеніе лишь для женщинъ—работницъ, см. Parl. Rolls, т. II., стр. 278, N. 24.

[3] См. Longman, The History of the Life and Times of Edward the Third, ch. 19, томъ II., стр. 263.

отказываетъ въ изданіи новыхъ постановленій въ подкрѣпленіе и дополненіе статута о рабочихъ, ссылаясь на то, что постановленій этого статута вполнѣ достаточно для подавленія всѣхъ притязаній рабочихъ на увеличеніе заработной платы.[1] Опытъ доказалъ правительству, что рабочее сословіе въ состояніи противупоставить насильственнымъ и узко-сословнымъ мѣрамъ коллективную оппозицію и что, вызванная самимъ правительствомъ миграція не лишена опасностей для внутренняго спокойствія государства.

Въ самомъ дѣлѣ, если рабочее сословіе выходитъ побѣдителемъ изъ опрометчиво начатой правительствомъ и владѣтельными классами борьбы, усиленное не только въ своемъ матерьяльномъ благосостояніи увеличеніемъ заработковъ и пріобрѣтеніемъ большаго числа поземельныхъ надѣловъ, но и нравственно окрѣпшее, благодаря возросшему въ средѣ его сознанію единства интересовъ и цѣлей, то, съ другой стороны, прежній союзъ всѣхъ сословій въ борьбѣ съ королевской властью является навсегда разрушенымъ и внутренняя безопасность гражданъ по крайней мѣрѣ на время перестаетъ существовать. Рабочее сословіе впервые сознаетъ бездну, отдѣляющую его отъ тѣхъ классовъ, которые живутъ доходомъ съ поземельной ренты и процента на капиталъ, и, сильное сознаніемъ своей солидарности, продолжаетъ втеченіи слѣдующаго царствованія, и на этотъ разъ съ оружіемъ въ рукахъ, борьбу съ владѣтельными классами и ихъ представителемъ—королевской властью. Союзы, вызванные въ его средѣ необходимостью коллективной оппозиціи стѣснительнымъ и узко-сословнымъ предписаніямъ статута о рабочихъ, облегчаютъ втеченіи слѣдующаго двадцатилѣтія дѣло Тайлора, Ольдкестеля и Боля.

Одновременно съ матерьяльнымъ и нравственнымъ окрѣпленіемъ рабочаго сословія слабѣетъ сила, какъ владѣтельныхъ классовъ, такъ и правительства.

Доходы первыхъ значительно уменьшены и прежнее патріархальное отношеніе къ нисшимъ классамъ общества перестаетъ существовать, по мѣрѣ постепенной замѣны прежней системы управленія имѣній лично или черезъ управляющихъ—отдачей въ аренду.

Что касается до правительства, то оно обнаруживаетъ свою слабость въ полномъ безсиліи подавить опасныя для внутреннаго спокойствія

---

[1] См. въ Parl. Rolls, отвѣты короля на ходатайства, сдѣланныя ему общинами въ 1368 и 1376мъ году.

послѣдствія миграціи, отвѣтственность за которую падаетъ, какъ мы старались это доказать, на само правительство.

Бѣгство цѣлыхъ рабочихъ обществъ изъ помѣстья въ помѣстье, изъ сотни въ сотню и изъ графства въ графство, очевидно, не могло обойтись безъ разбоевъ, грабежей и другихъ видовъ насилія. Травимые подобно дикимъ звѣрямъ, рабочія общества нерѣдко противуставляютъ силу силѣ и, ища пріюта въ лѣсахъ, становятся въ нихъ разбойничьими шайками " Plusours de eux, жалуются общины въ 1376мъ году, devenent stafstrikers et mesnent auxint ocious vie, et comunement desrobent la pitaille en symples villages par deux, troys, ou quatre ensemble, et malement sont soeffert en lour malice. Et la greyndre partie des ditz servantz corores devenent comunement fortes larouns et encrecent de eux roberies et felonies de jour en altre par touz partz en destruction du Roialme avant dit.[1]

Эти разбойничья шайки только ждутъ случая[2] предложить за деньги свои услуги представителямъ вліятельнѣйшихъ фамилій королевства и втеченіи слѣдующихъ царствованій являются всегда готовымъ орудіемъ междуусобной войны.

---

[1] Parl. Rolls, т. II., стр. 340.

[2] Сравни Eden, The State of the Poor, 1797, т. I., стр. 28.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.		*Стр.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
5		4 сверху	kheorls	ceorls
6		4 снизу	военоплѣнныхъ	военноплѣныхъ
7	прим. 3	2	вт подкрѣпленіе	въ подкрѣпленіе
13	прим. 2	1	triturasse	triturare
17		5 сверху	по различные денно	поденно
17		6 сверху	посевовъ	посѣвовъ
17		5 снизу	объ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія	отгадать не трудно
19		2 снизу	священниковъ гдѣ	священниковъ
19		1 снизу	въ двое, гдѣ въ трое, а гдѣ и въ четверо	гдѣ вдое, гдѣ втрое, а гдѣ и вчетверо
21		8 сверху	потребленія	роскоши
21		4 снизу	посовѣтовввавшись	посовѣтовавшись
23		17 сверху	serrout	serront
25		1 снизу	duo	duos
26		12 сверху	prædictorum	prædictarum
26		17 сверху	duo	duos
26		10 снизу	настоянно	настоянію
27		19 снизу	factorum	factarum
27		12 снизу	prædictorum	prædictarum
28		11 снизу	сдѣланныхъ управителями	сдѣланныхъ
30		11 сверху	городдахъ	городахъ
31	прим.	6 снизу	болѣе производительной	лучше оплачиваемой
32		12 сверху	пръобретеніе	пріобрѣтеніе
34		16 сверху	изъ	изъ за